

Феномен русского поэта Павла Васильева: свой среди «своих» и «чужих»

Рассмотрено творчество выдающегося русского советского поэта Павла Васильева, выходца из Зайсана — казахской глубинки, вобравшего в себя как казахскую, так и русскую культуру. Уделено внимание изучению фигуры «русского азиата» Павла Васильева как поэта «литературы пограничья», евразийского, трансграничного автора (в противовес трактовкам о билингвальной основе его творчества). Проведены параллели с данными исследований казахстанских филологов, показана значимость фигуры поэта для казахов, воспринимающих его исключительно «своим» поэтом. Проанализирована специфика поэтического языка Павла Васильева — наличие динамического художественного образа, который строится на временном или пространственном движении, на сопоставлении движущегося и неподвижного. Отличительной особенностью поэтического языка Павла Васильева признано соотношение неподвижности, статичности образа и образа движущегося, развивающегося, а именно: часто еле уловимое по своей скорости движение оказывается обозначением какого-либо энергичного действия, чем еще больше подчеркивается динамика текста. Соответственно, одними из основных концептов поэта являются концепты «ветер», «конь», «река», связанные с движением, динамикой. Солнце, как важный элемент мироздания, также нашло отражение в художественной картине мира Павла Васильева. Рассмотрено индивидуально-авторское воплощение концепта «солнце» в творчестве поэта.

Ключевые слова: когнитивный, концепт «солнце», авторский текст, национальная картина мира, этнокультура, евразийский поэт, национальная vs культурно-языковая идентичность, динамика, трансграничный, «русский азиат», Павел Васильев.

The article analyzes the literary works of the outstanding Russian Soviet poet Pavel Vassilyev, the native of the Kazakhstan hinterland, who incorporated two cultures, both the Kazakh and the Russian one. The attention is paid to the so-called 'Russian Asiatic' P. Vassilyev's image, the poet is appreciated as a Eurasian author, as well as a 'borderland literature' / transborder poet (opposite to the settings on his bilingual background). There made the attempts to draw a parallel between the Kazakh and Russian philologists' data, the validity of the poet's figure for the Kazakh perceiving him as their native is illuminated. P. Vassilyev's poetic language is also under analysis: it is the existence of the dynamic literary image which appears in the frameworks of movement, both in time and space, on contradiction of movable / moving and static ones. The specific thing of P. Vassilyev's poetic language is the counterbalance between the active and passive, the mobile and immobile, when the non-visible action turns into an action full of energy, thus, it merely intensifies the text dynamics. That is why the poet's key concepts are wind, horse, and river which are closely connected with dynamics. The sun as a relevant element of the Universe is also marked in Pavel Vassilyev's poetry, the authors deal with the way of this concept manifestation by the poet within his poetic world.

Keywords: cognitive, 'sun' concept, the author text, national world picture, ethnic culture, Eurasian poet, national vs. lingua-cultural identity, dynamics, transborder, 'Russian Asiatic', Pavel Vassilyev.

Появившееся в 1960-е гг. и окончательно сформировавшееся в 1980-х такое направление языкознания, как когнитивная лингвистика, и на сегодняшний день занимает ведущее место в когнитивной науке, притом что уже давно выделилось из нее в самостоятельную область исследования, разделившись, в свою очередь, на несколько направлений: культурологическое, лингвокультурологическое, философско-семиотическое и др. В фокусе внимания когнитивной лингвистики «находятся многочисленные проблемы, связанные с получением, обработкой, хранением, извлечением знаний и оперированием знаниями, относящиеся к их накоплению и систематизации, их росту, ко всем процедурам, характеризующим использование знания в поведении человека и, главное, его мышлении и процессе коммуникации» [1. С. 41].

В когнитивной семантике понятие «концепт» имеет достаточно много определений. Определяли концепт С.А. Аскольдов, и А. Вежбицкая, и Д.С. Лихачев, и Ю.С. Степанов, и В.И. Карасик, и многие другие исследователи. В определение закладывались и смысловое значение знака, и ментальные образования, и выражаемое, и вербализуемое, и проявление «коллективного бессознательного», и противопоставление «идеальное — действительное».

У В.А. Масловой также отмечается дихотомия, двунаправленность в трактовке понятия:

...это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Концепт, отражая этническое мировоззрение, маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства «дома бытия» (по Хайдеггеру) <...> некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека (по Д.С. Лихачеву). Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом [2. С. 47].

Другими словами, в концепте преломляются языковое (общее) и специфическое (особенное), концепт что-то значит, если пропущен через авторское понимание, авторское мироощущение, «представляет собой творческое переосмысление <...> фактов, событий, происходящих в обществе и представленных писателем в созданном им мире» [3. С. 42].

Обратимся к творчеству выдающегося русского поэта Павла Васильева, чья судьба связана с Казахстаном и Россией и в чьем творчестве соединились две культуры. Он родился в Зайсане, жил в Павлодаре и Семипалатинске [4. С. 38], печатался под псевдонимом Мухан Башметов. Несмотря на то что дальнейшая его судьба уже была тесно связана с Россией (Омск, Дальний Восток, Новосибирск, Москва), его поэтическая картина мира сродни есенинской, т.е. является исключительно русской, а сам поэт декларирует свою принадлежность к русской культуре, определяет свою национальную идентичность как русскую, важно подчеркнуть, что у казахов фигура Павла Васильева («русского азиата», как его называют) всегда занимала особое место: его знают, любят, читают. Его имя присвоено казахстанским школам, музеям, в его честь названы улицы. Лирику Павла Васильева исследуют многие казахстанские филологи (М.К. Акишева, О.А. Иост, Т.М. Кангужина, И.В. Козлов, П.Д. Поминов, К.Х. Рахимжанов, З.К. Темиргазина, В.И. Хомяков, С.К. Шаймарданова и др.), особенно павлодарской школы; изучению его творчества посвящают научные конференции, о нем написаны монографии, на эту тему защищены докторские диссертации. Прививается интерес к творчеству поэта и в казахстанских школах, где портрет Павла Васильева обязательно висит на стене в классе вместе с портретами других казахских писателей. Почему это так — вопрос риторический: для казахов на уровне «коллективного бессознательного» Павел Васильев — «свой». И не потому, что Васильев в каком-то смысле билингвальный автор: да, действительно, он владел наравне и казахским, и русским языком (а этот аспект часто педалируется казахстанскими исследователями). Дело в другом: не в билингвальности, а в «пограничности» («литература пограничья» — термин Д. Новохатского), в имплицитной принадлежности к двум культурам одновременно, в европейско-азиатском мышлении на уровне исторической памяти, в ощущении себя частью этого мира без риска быть растворенным в какой-то из культур, без риска потерять самоидентификацию. Безусловно, в этом смысле этнически русский Павел Васильев — евразийский, трансграничный поэт. И не случайно, что видный представитель уже упоминавшейся павлодарской школы З.К. Темиргазина, анализируя взгляды исследователей на нетождественность проявления национальной (стабильной) и культурно-языковой (гибкой) идентичностей, обращает внимание на то, что поэт в своих стихах демонстрирует «гибкую культурную идентичность, перманентно сохраняя этническую» (курсив наш. — Н. К., Л. Т.) [5. С. 34].

Язык лирики Павла Васильева не может не привлекать внимания, в нем национальные (культурные) концепты проходят через призму авторского восприятия поэта. Текст автора выявляет слова, за семантикой которых — концептуальная информация, авторское мироощущение. Данное исследование посвящено изучению концепта в художественном мире Павла Васильева. Обращение к произведениям поэта показывает значимость концепта «солнце» для концептуальной картины мира Павла Васильева. Концептуальный анализ

«солнца» позволяет представить особенности его репрезентации поэтом. Чтобы раскрыть эти особенности, необходимо выявить специфику указанного концепта в национальной картине мира.

Солнце всегда имело огромное значение для мировой культуры: древнегреческий бог Гелиос; олицетворение солнца на земле — древнеримский Аполлон, он же «лучезарный» Феб; египетский бог солнца Ра; месопотамский (вавилонский) бог солнца Шамаш; языческий славянский Дажьбог, или Ярило. Для древних людей (как языческих верований, так и принадлежащих монотеистическим течениям) солнце — божество, высшая сила, поскольку дает человеку тепло, свет, жизнь. В христианской религии Бога называли Солнцем правды; схожи его трактовки и в исламе, и в других религиях. Концепт «солнце», отражающий этническое мировоззрение, представлен в пословицах и поговорках. В.И. Даль в своем словаре приводит около 50 пословиц и поговорок с лексемой «солнце», в которых происходит наращение тех или иных сем. Например, семы «направление»; семы «время»; семы «независимость»: *Солнце восходит, часов не спрашивает*; семы «значимость»; семы «надежда»; семы «опасность» и даже семы «недостижимость, недоступность»: *Солнце в мешок не поймает*.

У С.И. Ожегова отмечены три основных значения: 1) небесное светило: *Земля — одна из ближайших к Солнцу планет. Определять время по солнцу. Есть правда под солнцем*; 2) свет; 3) что-то ценное (переносное значение).

Солнце у Павла Васильева уже становилось объектом исследования [6]. Попытаемся проследить, как концепт «солнце» представлен в авторском тексте, в художественном мире поэта. Следует отметить, что слово *солнце* и его производные (*солнышко, солнечный, солнечно*) встречаются у Павла Васильева не так часто, как, например, *степь, конь, ветер* и др., но это не снижает его значимости. В орбиту концепта включены и лексемы «заря», «закат», «огонь», «утро». Лексема «солнце» и другие лексемы, входящие в семантическое поле концепта, имеют очень широкую сочетаемость с другими словами, например:

заря потекла	ветренный и огневой рассвет
пейте зарю	закатное золото
закат брызгал	настежь распахнута заря
солнцем украшено	застоявшийся холод зари
становитесь под солнцем	лисье рыжее солнце
закат плывет	красно солнышко
летит заря	заря боярская, холопья
рассвет даст огня в награду	солнце именинное
сияло солнце	костер твоей зари
солнце смех раздаривало	ветренный закат
заря поднимет бубен	пламень зари
спустился закат	тяжелое солнце
степь нюхала закат	теплый дым зари
рассвет лучища вытянет	высокие закаты
солнце тонет	солнце как песня
плескаясь в заре	медовая заря
солнце блещет	глухая заря.

Тематика поэзии Павла Васильева всегда разнообразна: это природа, родина, степь, любовь, труд. Но любое произведение поэта пронизано движением, энергией, которые могут быть ярко выраженными, представленными «внешними» средствами (глаголами движения, отглагольными существительными, номинативными предложениями), а могут быть скрытыми, когда мысленно взор как бы скользит, перемещается с предмета на предмет, охватывая огромные пространства. Поэтический язык Павла Васильева очень динамичен. По мнению исследователей, отличительной особенностью поэтическо-

го языка Васильева оказывается динамический образ, который строится на временном или пространственном движении и, что особенно интересно, на сопоставлении движущегося и неподвижного, что еще больше подчеркивает энергию языка поэта. Не случайно одними из основных концептов поэта являются концепты «ветер», «конь», «река», связанные с движением, динамикой. Почти каждое стихотворение Павла Васильева начинается каким-либо движением. Но это движения разной интенсивности: солнце может «сиять», «играть», «бить», «звенеть», «тонуть», «идти стороной», «похаживать», «подниматься», «вставать», «всходить» и др. В стихотворениях Павла Васильева используется большое количество глагольных форм, причем все глаголы, независимо от того, употребляются они в прямом или в переносном значении, имеют общие семы: «скорость», «быстрота», «энергия», «тревога». И даже не столь многочисленные существительные (*табуны, волны, река, жизнь*) и наречия (*без оглядки, с плеча*) связаны с движением. Еще одна черта поэтического языка Павла Васильева — обозначение двух действий-движений: первое — разрушение чего-либо, приводящее к полному уничтожению, дальнейшему исчезновению: *рас-садит, рас-ползется, рас-колот, раз-рывали, вз-рывая, вы-кипала*. Второе действие-движение — наоборот, постепенное возрастание, набухание, накопление сил, что приводит к созиданию и в конечном счете к жизни: *набухая, томится; взбухал, обрастая; настоящим квасом; бабы вынашивали животы*. Это движение не столь интенсивно, менее заметно, подспудно, но это только подчеркивает его масштаб, силу, мощь.

В поэзии Павла Васильева рождение, жизнь и умирание, смерть находятся рядом, пребывая в достаточно непростых динамических отношениях. Сцены насилия, жестокости можно часто встретить в произведениях автора, смерть — это всегда что-то разрывающее, разрушающее, расстреливающее. Но между смертью и жизнью не всегда ярко выраженное противопоставление; часто оно представлено как противопоставление искусственного, созданного человеком и природного, и в таких случаях иногда смерть и жизнь соединяются: Сибирь и большой город соединяются в сибирское Чикаго; природа/звери и электричество взаимодействуют, когда бусы из звериных клыков сменяются электрическими; железная дорога взрезает солончаки и курганы; пески обожжены сталью; ветви рельс перекипают соком. В некоторых случаях образы, традиционно связанные с жизнью, рождением, становятся смертельными, приводящими к окончанию жизни («...весна / <...> взрывающая вздыбленные льды / <...> / Захлебнулась теменью воды»). Динамика поэтического текста автора создается не только сменой внешних действий, но и особой панорамностью, когда взгляд охватывает огромное пространство, перемещаясь за словом поэта. Чаще всего это движение вниз — вверх или вверх — вниз: земля, путь, песок, дно — небо, звезды, солнце («...Кругом песочек, солнце, ветер, / Кругом сухая тишина»). Но такая панорама может быть и в другом направлении — горизонтальном: вперед — назад, мимо, кружась. Тогда вся ширь — от края и до края — перед глазами («...Освещенная <...> светом, / Протянувшаяся к горизонту ширь»). Отличительной особенностью поэтического языка Павла Васильева является соотношение неподвижного, статичного образа и образа движущегося, развивающегося; часто еле уловимое по своей быстроте движение оказывается обозначением какого-либо энергичного действия, чем еще больше подчеркивается динамика текста. В любом случае динамика, подвижность становятся примечательной характеристикой поэтического языка поэта, его художественного мира. Такая сочетаемость с глагольными формами (упоминавшиеся «сиять», «играть», «бить», «звенеть», «тонуть», «идти стороной», «похаживать», «подниматься», «вставать», «всходить» и др., а также «заря потекла», «пейте зарю», «закат брызгал» и др.) позволяет выделить в поэзии Павла Васильева концептуальное поле «солнце», включающее в себя ряд составляющих.

1. Солнце как живое существо:

а) солнце — женщина, страсть: «Я знаю: от ступни и до виска / Есть много жилок, и попробуй тронь их — / Сейчас же кровь проступит на ладони, / И сделается тоньше волоска / Твое дыханье и сойдет на нет, / Там так темно, что отовсюду свет, / как рядом с солнцем может быть темно, / Темно до звезд, тепло, как в гнездах птичьих...» [7. С. 107]; «Густа, бесстыдна и невинна / девичья кровь, / В ней солнце есть / В ней есть желанья именины...» [Там же. С. 523].

У Натальи Васильевой, дочери Павла Николаевича, его биографа и исследовательницы его творчества, читаем: поэт «смело вторгается в самое сокровенное <...>. Он сравнивает земную и грешную с солнцем» [Там же. С. 29];

б) солнце — рачительный хозяин: «Солнце играет / В листьях кленовых, / Солнце похаживает / на дворе, / Бьет по хребтам / Тридцатипудовых / Рыжих волов, звенит на подковах / И на гусином / Крупном / Пере» [Там же. С. 187].

2. Солнце — вечность: «Солнце же множество множеств дней / Каждый день неизменно тонет / Для того, чтоб опять подняться / И сиять над нашей степью. / И сиять над каждой юртой / И над всем существующим сразу...» [Там же. С. 159].

3. Солнце — дом. Причем отношение к дому у Павла Васильева самое разное: от дома — детства, проведенного в учительской семье, укорененной в православной традиции, детства, которое вспоминается с любовью и нежностью, до дома — прошлого, тяжелого, от которого уходишь и которое хочешь забыть: «Под солнцем хорошо видна / У берегов цветная галька. / Свой гребень подняла волна / Крылом нацелившейся чайки...» [Там же. С. 75]; «И вразнойбой кричали петухи / В глухих сеньях, что пьяные бояре, / Как день вставал сквозною кисеей, / Иконами и самоварным солнцем... / <...> / Ну что ж, пойдём по выжженным следам, / Ведь прошлое, как старое кладбище. / <...> / Я не хочу у прошлого гостить — / Мне в путь пора!» [Там же. С. 93].

4. Солнце — родина: «Жизнь здесь тесто круто замесила, / На улогах солнечной земли, / На песчаном прибрежном иле / Здесь рождались люди и росли» [Там же. С. 82].

5. Солнце в битвах и войнах (в поэме «Соляной бунт»): «Замолкни и вслушайся в топот табунный, — / По стертых дорогам, по травам сырым / В разорванных шкурах / бездомные гунны / Степной саранчой прилетают на Рим!.. / Тяжелое солнце / В огне и туманах, / Поднявшийся ветер упрямя и суров» [Там же. С. 125].

И обратное: солнце в противовес войне: «Кони отшатывались / От убога, / Им хотелось / Теплою губою / Хватать в конюшенной / Тьме овес, / Слушать утро / У водополя / В солнце / И долгом гуденье ос» [Там же. С. 203].

Когда перед боем напряжение и ярость достигают высшей точки, солнце идет другой дорогой: «Злоба копилась / Вместе с слюной, / Солнце шло от них стороной, / Степь начала розоветь, / Пах туман парным молоком, / На цыпочки / Степь поднялась, / Нюхала закат каждым цветком, / Луч один пропустит боясь» [Там же. С. 208].

6. Солнце — будущее. Будущее связано у поэта с надеждой и верой в свет и доброту: «Проплывает туман давно, / Отвори, отвори окно! / Слушай, как тальник, отсырев, / Набирает соки заре. / Закипевшей листвой пыля, / Шатаются пьяные тополя, / Выходит рыжею головой / Раньше солнца подсолнух твой... / Утро, утро, сестра, встречай...» [Там же. С. 92]; «Я не хочу на прожитое выть, — / Но жду зарю совсем иную...» [Там же. С. 72]; «Мы пришли / К невидимой стране / Сквозь туннели, / По мостам горбатым, / При большой, как озеро, луне, / В солнце, / В буре, / В пляшущем огне, / Счастье вверив песне и лопатам» [Там же. С. 378].

Очень часто такое преломление в поэзии Павла Васильева приобретают лексемы «заря», «рассвет». Если солнце есть нечто постоянное, то заря и рассвет выражают изменчивость природы и мира: «По гривам ветреных песков / Пройдут на север караваны. / Над пестрою кошмой степи / Заря поднимет бубен алый» [Там же. С. 11].

7. Солнце — революция, которую поэт пытается понять. Здесь солнце яркое, шумное, кричащее. Рубленый ритм стихов, глаголы речи, звучания (*гудет, рокошет, кричали, исполнил марш* и др.) подчеркивают этот шум. Одновременно присутствуют образы, традиционно символизирующие неподвижность, статичность, являющиеся застывшим мгновением-ожиданием, после которого начинается стремительное разрушение, приводящее к уничтожению. Или идут ассоциации с неторопливым течением времени — и тут же цепь номинативных предложений с существительными, обозначающими быстрое, энергичное, разрушительное действие: «*Вот она, наша молодость, — поднята до утра / Улица Пятой Армии. Солнце. Гудок. Пора! / Поднято до рассвета солнце. Гудок. Пора!*» [Там же. С. 101]; «*Над большими ветвями, / Над косыми тенями / Солнце стоит. / Нет Дерова! / Нами убит! / Солнцем украшено / Наше знамя... / Те, кто борется / Вместе с нами, / Становитесь под солнце, / Под наше знамя!*» [Там же. С. 290]; «*Высоким солнцем нагрет, / Недаром Октябрьский ветер гудет, / Рокошет пятнадцать лет...*» [Там же. С. 371]; «*Ура! Кричали Комбинату / Кубань, / Кедровая Палата, / Черлак, / Лебяжье / И Китай. / Над степью августовской голой / Сияло солнце в злой пыли, / Оркестр / Исполнил марш веселый*» [Там же. С. 530].

8. Солнце — предмет (продажи, быта и др.): «*Там живут по-нашему, / В горнях полы крашены, / В пять железных кренделей / Сундуки окованы, / На четырнадцать рублей / Солнца наторговано!*» [Там же. С. 335]; «*...И появилась предо мной впервые / С подсолнухами, с травами в руках, / С базарным солнцем в черных волосах, / Раскрывши юбок крылья холстяные*» [Там же. С. 447].

Данные наблюдения позволяют представить следующий профиль концепта «солнце» в художественном стиле Павла Васильева. Семантическое поле концепта включает в себя определенные составляющие: предметно-конкретные (дом, быт, продажа), живые существа (хозяин, женщина) и отвлеченные понятия (война, мир, будущее). В некоторых случаях солнце приобретает даже символическое значение. Наблюдаются следующие семантические оппозиции: времени (солнце, заря как будущее и, наоборот, солнце и заря как символ детства, прошлого); пространства (солнце — дорога, солнце — дом, солнце как высокое и недостижимое); мира и войны (заря — кровь): «*Саблею небо руби с плеча, / Чтобы заря потекла по ней! / ...Под незрячим солнцем, / В мертвом мерцании лун*» [Там же. С. 450]; эмоций (солнце, заря — хорошее, радостное, новое, и в то же время солнце — тревога, мука).

Таким образом, концепт «солнце» в художественном мире Павла Васильева имеет как традиционное наполнение, получившее отражение в русской языковой картине мира (светило, направление, необходимость, надежда), так и индивидуально-авторское, свойственное только поэзии Павла Васильева (вечность, война, женщина, предмет и др.).

Литература

1. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знания о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
2. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2004.
3. Осетрова Е.В. Слухи в речевой и языковой действительности // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2003. Т. 62. № 1. С. 49–54.
4. Крылова Н.Ф., Талалова Л.Н. Русские национальные концепты в поэтическом языке П. Васильева // Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве: сб. материалов Междунар. науч. конгресса, 6–10 декабря 2021 г. Ч. 1. М.: ГосИРЯ им. А.С. Пушкина, 2021. С. 38–41.
5. Темиргазина З.К. Транскulturность и ее проявление в поэтике лирических текстов. DOI 10.22363/2618-

References

1. Kubriakova E.S. Iazyk i znanie: na puti polucheniia znaniia o iazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniia. Rol' iazyka v poznanii mira. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004.
2. Maslova V.A. Kognitivnaia lingvistika. Moscow: Flinta: Nauka, 2004.
3. Osetrova E.V. Slukhi v rechevoi i iazykovoi deistvitel'nosti // Izvestiia RAN. Seriiia literatury i iazyka. 2003. T. 62. No. 1. S. 49–54.
4. Krylova N.F., Talalova L.N. Russkie natsional'nye kontsepty v poeticheskom iazyke P. Vassilyeva // Russkii iazyk v global'nom nauchnom i obrazovatel'nom prostranstve: sb. materialov Mezhdunar. nauch. kongressa, 6–10 dekabria 2021 g. Ch. 1. Moscow: GosIRia im. A.S. Pushkina, 2021. S. 38–41.
5. Temirgazina Z.K. Transkul'turnost' i ee proiavlennie v poetike liricheskikh tekstov. DOI 10.22363/2618-897X-

897X-2021-18-1-29-43 // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 1. С. 29–43.

6. *Поцелуева Н.В.* Экспресема «солнце» в поэзии П. Васильева // Региональный компонент в творчестве российских и казахстанских писателей XX века: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной дню рождения П. Васильева и году Казахстана в России. Павлодар, 2003. С. 130–132.

7. *Васильев П.* Подымайся, песня, над судьбою! Рязань, 2001.

2021-18-1-29-43 // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2021. T. 18. No. 1. S. 29–43.

6. *Potselueva N.V.* Ekspressema "solntse" v poezii P. Vassilyeva // Regional'nyi komponent v tvorchestve rossiiskikh i kazakhstanskikh pisatelei XX veka: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posviashchennoi dniu rozhdeniia P. Vassilyeva i godu Kazakhstana v Rossii. Pavlodar, 2003. S. 130–132.

7. *Vassilyev P.* Podymaisia, pesnia, nad sud'boiu! Riazan', 2001.

Крылова Наталья Федоровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
доцент кафедры русского языка
и общих дисциплин
Государственный университет
управления, г. Москва

Krylova Natalya F.,
Candidate of Philology, Associate
Professor,
Associate Professor of the Russian
Language and
Basic Disciplines Department
State University of Management,
Moscow

e-mail: krylova.tasha@mail.ru

Талалова Лариса Николаевна,
доктор педагогических наук, доцент,
заведующая кафедрой русского
языка и общих дисциплин
Государственный университет
управления, г. Москва

Talalova Larissa N.,
Doctor of Pedagogy, Associate
Professor,
Head of the Russian Language and
Basic Disciplines Department
State University of Management,
Moscow

e-mail: talalova@gmail.com

